

Забастовка

Мэхяля пришел с работы домой и застал все семейство перед телевизором. Шла кампания выдвижения кандидатов в депутаты. С голубого экрана, размахивая руками, пылко вещал какой-то мужик в галстуке и больших очках.

За ужином обсудили кандидатов.

— Сидоров — молодец, — сказала жена, наливая в тарелку наваристый суп. — Обещал женщинам увеличить выплаты за рождение каждого ребенка.

— Егоров лучше, — вставил шестиклассник Конанчик. — Он хочет предоставить детям больше свободы. Надо голосовать за него.

— Фи, — ответила дочь Дуня, ученица девятого класса. — Он лопоухий. А у Сидорова нос кривой. Голосуйте лучше за Степанова. Он высокий!

Назавтра, вернувшись домой, Мэхяля опять нашел всех у «ящика». Ужин был приготовлен, только никто, похоже, не собирался кормить отца семейства.

Хозяин подождал. Проголодался даже. Но когда он, не выдержав, окликнул супругу, та отмахнулась:

— Погоди, нам надо Егорова дослушать!

Ужинали поздно. Опять рассуждали о выдвигенцах, судили-рядили, чем Степанов лучше Сидорова.

Конанчик, обгладывая ребрышко, вдруг спросил у отца:

— А ты за кого голос отдашь?

— Не знаю я... Трактористам что-нибудь обещают?

— Только о себе думаешь! Вот эгоист, — фыркнула жена.

— С такими людьми, как ты, никакого развития у нас не будет, — сказал сын.

А Дуняша, прыснув от смеха, поспешила скрыться у себя в комнате.

На третий вечер Мэхяля застал дома ту же картину. Он потерпел немного, хотя желудок урчал. Наконец, не выдержав, подошел к телевизору и строго сказал:

— Что за безобразие! Телевизор вас кормит, что ли?

И вырвал штепсель из розетки.

Семья возмутилась.

— Вот грубиян! — ахнула жена.

— У нас демократия. Нельзя применять силу, — заметил Конан. — Тогда мы объявим майдан. Пускай теперь папа сам себе готовит еду.

— Культ личности насаждаешь, — в отца уперся перст Дуни. — Все, мы бастуем. Надо его проучить.

На четвертый раз Мэхяля явился выпивши. Домочадцы опять пялились в телевизор. На экране с жаром распинался какой-то плешивый дядька в костюме. Глава семейства, не раздеваясь, вразвалку зашел в зал и с ходу пнул по «ящику».

Пропахший соляжкой валенок пришелся по вису докладчика. Телевизор грохнулся на пол и разбился.

Ойкнув, супруга побежала на кухню. Конанчик сразу вспомнил, что должен набить бочку льдом. А испуганная Дуняша юркнула в комнату.

На пятый вечер отца ждал готовый ужин. Все дружно сели есть. Посередине трапезы жена заметила:

— Мэхяля, тут соседи телевизор продают. Купим?

— Нет, — ответил ей муж и положил на стол кулак величиной с голову теленка. — Я теперь вам покажу, что такое культ личности!

Груз

Нэс Чахов неслышно отворил дверь с надписью «Уйулга» и вошел внутрь кабинета.

На левой стене висел дэйбир¹ из волоса белого коня. С правой стены на него серьезно взирал портрет Ил Дархана² в раме. Перед окном сидела хрупкая молодая женщина с длинными волосами и бледным лицом и что-то писала.

Нэс подошел к ней и только открыл рот, чтобы пожаловаться на проблемы, как та быстро махнула рукой и сказала: «Знаю, знаю». Встав, она открыла дверцу шкафа и вынула оттуда старинную деревянную понягу. Нэс с детства знал, что это за штука. Навьючив на такую раму все охотничьи снасти, оружие и припасы и взвалив ее на плечи, его дед Уйбан Бэдэр обычно надолго уходил пешком к далекому горному хребту. Оттуда он приносил пушнину, тушки зайцев и немного сохатиного мяса.

Девушка проговорила:

— Нэс Петрович, вспомните самую большую ошибку, совершенную вами в жизни.

Перед его глазами всплыла сцена, когда он пьяным пришел домой. Словно наяву, увидел разгневанное лицо супруги, в ушах раздался звон посуды, бьющейся о каменную стену...

Тотчас поняга отяжелела, словно превратившись в большой камень. Нэс охнул, будто кто-то ударил его под дых, скрючившись, цапнул пальцами край стола, промахнулся и позорно шмякнулся перед хозяйкой кабинета навзничь.

— Уф, что такое? Что со мной? — очумевшим от испуга взглядом Чахов оглядел комнату.

— Просто я немного отрегулировала и подтянула вам совесть. Карму почистила, — отозвалась девушка. — У вас много грехов, которые тяжелым грузом давят вам на плечи, — ее светлые распахнутые глаза озарили мужчину.

Ослепленный, Нэс зажмурился и опустил голову.

— Как мне быть теперь?

— Все зависит от вас, Нэс Петрович. Вам нужно последовательно избавиться от грехов, и тогда груз на вашей совести станет легче.

Выйдя от психолога, Нэс поплелся по улице. Что с ним стряслось? Грехи одолели, что ли? Перед ним как будто пронеслась вся жизнь.

¹ Род опახала из конского хвоста.

² Титул главы Республики Саха.

На полпути домой на краю улицы стоял винный маркет. Как всегда случалось с ним в переживательные моменты, ноги сами понесли его туда. Но как только Нэс вошел и кинул взгляд на бутылки с яркими пестрыми этикетками, выстроенные на полках, как на плечи его будто легла тяжеленная ноша, отчего колени подогнулись, и он еле успел схватиться за железную дверную ручку и повиснуть на ней.

К нему подбежал парень охранник:

— Что, батя, поплохело? Я щас скорую вызову...

— Нет-нет, пожалуйста выведи меня на улицу, на воздух, — выдохнул Нэс.

Охранник кое-как отцепил его пальцы от дверной ручки и, обняв, бережно вывел наружу.

— Уф! — на воздухе ему стало полегче.

Парень проводил его до остановки автобуса.

Когда он отпер дачную калитку, пес Князь взвизгнул и, гремя цепью, начал радостно скакать. Оказывается, Нэс давно не кормил его. Он вытащил из пакета колбасу, отломил половину и дал псу. Тот сразу проглотил. Пришлось отдать и другую часть.

— Ну и дела! Надеюсь, Князь, теперь мы заживем как люди? — спросил хозяин.

Пес привычно подал ему переднюю лапу и мудро посмотрел круглыми желтыми глазами, словно говоря: «Что делать? Нам придется по-людски жить. Разве у нас есть другой выбор?»

Войдя в дом, Нэс посидел в полумраке, не зажигая света. Осенний сильный ветер громыхнул жестяной крышей; это прозвучало, как удар шаманского бубна. Сорванные березовые листья, приплясывая и кружась, пролетели за оконным стеклом. Что ж, пришло время оглянуться назад. С чего все началось-то?

...Нэс защитил диссертацию. Это был итог многолетних сложных научных исследований. Назывался труд «Роль лютика лугового в повышении продуктивности быка-производителя якутской породы». Он еще переводил дух после защиты, как вдруг в кабинет ворвался Влахов.

— Прекрасная работа, поздравляю! Ты парень хоть куда! Молодец! — Влахов энергично схватил его руку и потряс.

Тут вошли, сияя от радости, лаборант Сергей и Ким Ильич. Девушки с первого этажа принесли торт с надписью: «Талантливому ученому».

То было только начало...

К концу рабочего дня все отправились в ближайшее кафе. А потом он опомнился на даче. Нэс, как в тумане, припомнил, как компания гудела несколько дней, восторженно чувствуя виновника торжества. Каждый вечер появлялись все новые веселые лица, звучали застольные песни,

сумбурные речи. Нэс даже боялся посмотреть на календарь. Это означало посчитать дни прогула. Однажды утром на столе он обнаружил исписанный листок, прислоненный к пустой бутылке. С заголовком: «Последний шанс». Текст гласил: «Нэс Петрович, опомнись, приди в себя! Я поговорил с директором. Если ты с понедельника выйдешь на работу, он простит тебя и зачтет прогулы как отгульные. И вот номер телефона психолога организации “Уйулга”. Позвони по нему и сходи туда. Тебе помогут».

Почерк был Серафима — его лучшего друга из числа коллег. Чтобы поймать последний шанс за хвост, Чахов и сходил сегодня в офис «Уйулга».

Последний шанс...

В полумраке он вообразил себе чистые распахнутые глаза давешней девушки...

Внезапно Нэс встревожился: уже вечер, скоро с шумом-гамом ворвутся к нему довольные «ребятки». Надо прикинуться спящим.

И точно: едва он запер дверь изнутри,брякнула калитка двора. Князь лениво гавкнул на старых знакомых, затем раздались хохот и возбужденные голоса. В дверь постучали.

— Петрович, грозный солдат переднего края науки! Открой! Мы тут поесть-попить принесли...

— Ох, надо выдержать!.. — Нэс натянул одеяло на голову.

Стучали довольно долго. Потом слышались слова дружков: «Однако, болеет после вчерашнего. Оставим ему на опохмел полчекушки. Завтра спасибо скажет...»

Проснувшись утром, Чахов почувствовал, что здоровье его окончательно пошатнулось. Голова была чугунной. Сердце колотилось так, словно вот-вот вырвется из груди. Он открыл дверь, вышел и сразу увидел отполовиненную бутылку водки на табуретке.

— О-о! — Нэс сглотнул слюну, и тотчас тяжелый груз припечатал его к земле.

Стоя на четвереньках, он попытался подняться. Бесполезно. Видимо, так и будет так стоять весь день как четвероногое существо, пока кто-нибудь не придет и спасет его... Простояв в таком положении полчаса, он, наконец, догадался кинуть в бутылку сапогом, но промазал. Бросил вторым сапогом. Промахнулся вновь. Оглядевшись, увидел почти на расстоянии протянутой руки камень. Достать бы его! Промучившись изрядно, вспотев от усилия, он подцепил камень и подтащил к себе. Хоть бы не ошибиться! Это последний шанс...

Собрав все силы, Нэс Петрович швырнул камень. Раздался звон разбитой бутылки. Водка вылилась на табурет.

— Уф! — со спины свалился тяжеленный груз.

Дождавшись автобуса, он поехал в город. Так, сначала он сходит в баню. Потом пойдет на работу, дабы разведать ситуацию, и лишь затем — домой...

Проехав пять-шесть остановок, он вдруг увидел Тараса, своего студенческого товарища, с которым судьба развела его лет двадцать назад. В кожаной шляпе, с портфелем на коленях, Тарас сидел на скамейке в ожидании автобуса. На плечи Чахова вновь навалился непосильный груз.

— О, горе мне! Выходит, каждое мое телодвижение чревато грехом!

Он попытался вспомнить вину перед Тарасом. И вспомнил. На пятом курсе в разгар весенних зачетов они по рыхлому льду перешли Лену, чтобы поохотиться на первых уток. Увлеченные охотой, студенты опоздали: начался ледоход, и они не смогли вовремя переправиться на тот берег. Это был конец. Их ожидало отчисление...

Тараса выгнали сразу. Дядя Нэс был высокопоставленным чиновником. Он вызвал племянника и жестко сказал: «Пойдешь со мной. Мать твоя покою не дает». Держа селезнь за головку, Нэс понуро стоял перед разгневанным деканом. На его счастье, жена декана, красавица лет на двадцать моложе мужа, выплыв из комнаты, прошебетала: «О, уточка! Как я хочу утиного супа!» Встреча завершилась мирным договором и рукопожатием, после чего мужчины выпили по рюмке коньяка.

Чахов выполз из автобуса, бочком подобрался к скамье и сел рядом с Тарасом.

— Друг, не узнаешь? Я — Нэс! Мы вместе учились...

Тарас просиял от радости и раскинул руки для объятий.

— Тарас, погоди... Я очень виноват перед тобой, и мне нужно покаяться...

— О чем ты, друг?

— Помнишь, как мы на пятом курсе отправились на утиную охоту?

— Ха-ха, отличная была охота... Если бы мы тогда не опоздали... —

Тарас ударил кулаком по ладони.

— Тарас, а ведь я тогда не был отчислен, — Чахов потупился.

— Как? Ты окончил учебу?

— Да, и теперь прошу у тебя прощения за это...

— О, ну ты даешь! — захохотал Тарас. — Я про это позабыл давным-давно... Ну что ты за человек!

— Так ты прощаешь меня?

— Конечно! Как мне не простить товарища, с которым провел лучшие студенческие годы!

При этих словах с плеч Нэса рухнула ноша размером с гору. Ему сразу стало легко. Друзья ударились в воспоминания о молодости, рассказали друг другу всю свою жизнь, и не заметили, как мимо проехало три-четыре автобуса.

Жизнь — удивительная вещь, и всякое бывает на ее протяжении.

Я потом несколько раз видел Чахова по телевизору. Он стал видным активистом по экологическим вопросам и ярым защитником природы. Как-то даже слышал его выступление на митинге. «У человека есть неоплатный долг перед матерью-природой и отечеством, поэтому он обязан жить по совести, быть щедрым и справедливым, как все живое вокруг», — говорил Чахов.

А я подумал, что человек пожизненно обречен нести груз ответственности.